

Юрий КОТЛЯРОВ

Браконьеры судьбы

18+

Юрий Котляров
Браконьеры судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Котляров Ю. М.

Браконьеры судьбы / Ю. М. Котляров — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Добрый смех продлевает жизнь, добрый юмор порождает смех. А герои этой юмористической книжки то и дело попадают в самые невероятные, нелепые, комично-трагичные, остросюжетно-мистические и, несомненно, смешные истории. Общественный сарказм и политическая ирония, новый взгляд на старую революцию, любовь, дружба, воры и чиновники, а также черти и их ставленники как вечные вершители бесовского правосудия — все в одном флаконе. А если кому покажется не смешно, придет Юраня и объяснит, что тут у нас и почему.

Содержание

С русалкой	5
Финиш браконьера	6
Легенда о черном инспекторе	9
Катька	10
Ветеран резинового флота	11
Маврик, психи и инспекция	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Котляров

Браконьеры судьбы. Рассказы

С русалкой

Жил-был браконьер Маврик. И его никто не мог поймать. Ни рыбнадзору, ни инспекции по маломерным судам, ни даже экологической полиции не под силу было справиться с этой нелёгкой задачей. А все потому, что была у него кепка фартовая, которую он на рынке у старухи цыганки купил за три рубля. Да ещё, напевал он песенку собственного сочинения на мотив Яшки цыгана из «Неуловимых мстителей»:

*Мне бы лодку, два весла,
Да сеточку заветную,
И тогда искать меня
Вам я не советую...*

Но вот однажды в промозглую тёмную ночь, когда ставил он сети в пучину речную, поднялся сильный северный ветер, и повлекло Маврика в места гибели, закоряженные.

Гребёт он супротив ветра изо всех сил, старается. Час плывёт, второй, а не движется лодка, стоит, как вкопанная. Уже и ветер стих, и луна на посадку пошла, и силушка его рыбацкая на исходе – никак не сдвинуться с места ему. Догадался он тут назад обернуться. Глядь, а за спиной на коряге русалка прекрасная возлегает, грудями колышет, и длинным когтистым пальцем, как крючком, за хлястик его фуфайки держит.

А надо ещё сказать, что не робкого десятка Маврик был человек, и красоток разных повидал немало, но перепугался вусмерть и молитвочки ни единой не вспомнил со страху, а может и не знал никогда.

Что там было у них аж до самого рассвета, Маврик умалчивает. Всё он видел в бездонных глазницах русалочьих: и тоску девичью безысходную, и жизнь свою распутную, и даже повысят ли акцизы на пиво или понизят.

Перестал Маврик с тех пор сети ставить в реке – вдруг там дети его незаконнорожденные резвятся курносые, конопатые. Спрашивают мамку: «Где папка наш родный, как увидеть его, приласкаться, утешиться?»

Так что имейте с собой, ребята, всегда в памяти молитву православную – пусть оградит она вас от нечистой силы недремлющей.

Да грешите поменьше...

Аминь.

Финиш браконьера

Говорила мамка Маврику: «Не связывайся с Юраней, не доведет он тебя до хорошего». Да и сам Серега не хотел ехать на рыбалку в эту чертову дыру, которую даже егеря обходили стороной. Но когда Юраня показал, какие там линии здоровенные ловятся, – сразу согласился. Да и ни один нормальный рыбак не отказался бы от такого счастья.

Сам Юраня излазил все приличные по области места, но это было самым заветным.

До Нетопыри доскочили влет, оставалось шестнадцать километров по лесным просекам к болоту с двумя соединяющимися озерами, на берегу которых у дубовой рощи несколько заросших погребов, напоминающих о вымершей деревне. Деревню эту основали два французских солдата наступающей наполеоновской армии, служившие при обозе, который отбил под Смоленском эскадрон удалых казаков Войска Донского. Обозников сходу порубали со свистом, лишь юные Поль и Леон ходили в это время за дровами, а увидев резню, рванули к реке Десне и на подвернувшейся лодке спаслись вниз по течению.

Поскидав мундиры и прикинувшись глухонемыми дебилами, плыли они подальше от боевых действий, выпрашивая подаяние и одежду у сердобольных крестьян. Географию друзья знали плохо, поэтому думали, что плывут в Париж, а приплыли к нам в брянский лес. Тут как раз морозы начались лютые, и вышли солдатики на избушку колдуньи с двумя дочерьми на выданье.

Ведьма давно уже их поджидала, она это все и наворожила, кстати, по своим каналам астральным, поэтому приворот французов к дочерям оформила быстро. Мальчики у них пошли, девочки, и основалась эта слободка. От нее теперь только погреба холмеют, давно уже никого здесь нет.

Вот сюда и пробирались ребята по перепутанным в буреломах просекам. Причем, сколько раз ни ездил тут Юраня, каждый раз блудил. Он и ленты на развилках к деревьям привязывал, и зарубки делал, все равно, видно, леший сбивал его с дороги. Только отчаянная молитва выводила на правильный путь. Да еще в Нетопыри у колодца мужик предупредил: если на рыбалку, бойтесь того, который сидит под дубом.

И правда, выехали к дубам, а там старичок сидит – метр двадцать ростом, в старинном, несмотря на жару, зипуне, с лохматой шевелюрой и всклокоченной бородой набекрень. И птичка на коленке щебечет.

Маврик возьми и брякни: «Парень, как проехать в библиотеку?» – а старичок так пронзительно зло зыркнул из-под нависших бровей, что заглохла машина, Юраня выскочил побольшому, а Маврик чуть сигарету не проглотил, удушливо закашлявшись. Глянули опять на старичка, а там только пень стоит, и птичка на нем чирикает.

Ну да ладно, приехали.

Сети ставили быстро. Атакующие без предупреждения оводы величиной с детский кулак, а с вечера тучи злющих комаров не давали расслабиться ни на секунду.

Стемнело. Возшла луна. Антикомарин не помогал, поэтому Юраня решил подремать на воде, там хоть ветерком обдувало. Отплыл от берега и услышал чьи-то голоса в заливе. Тихонько подгрёб, надеясь увидеть, кто сети ворует, выглянул из-за тростника и обмер...

В лунном свете, поджав куриные ножки и утробно поквакивая, на кочках сидели три старушки-кикиморы, прикрывая длинными иглообразными зубами подвижные подбородки. Рядом по пояс в воде булькался лупатый с длинными волосами-водорослями и свисающим мясистым носом пузырь, объясняя что-то гундосым с французским прононсом говором ластящимся к нему четверем красавицам – русалкам. Чуть дальше, на взгорке, тот, который сидел под дубом, игрался со змеями в окружении летучих мышей и совенка. Был еще кто-то тяжело

дышащий и невидимый в тени тростника, на которого Юрания не смел и глянуть – кровь стыла в жилах.

– Братва болотная, – гундосил пузырь, – натерпелись от людей за столько лет. Кончать их надо. Разве мы не патриоты своего леса? Доколе будем безобразия терпеть ихние, мочи нету.

– Нам запрещено людей трогать без разрешения, вы же знаете. Не будь их, и нас бы не было. Все в мире устроено под человека, будь он не ладен, возрождения от него ждут духовного, – отвечал тот, который сидел под дубом.

Гундосый подозрительно повел носом в сторону оцепеневшего от страха Юрании и сказал зловеще:

– Нас человек подслушивает, пугнуть его?

– Я знаю, пусть слушает. Может, поумнеет да перестанет природу гробить сетями своими погаными. Ну чего людям не хватает для жизни? Смотрел я у Васьки домового в Нетопыри по телевизору (ящик такой говорящий), сколько у них еды в городах припасено – вовек не сожрать. На кой Юрания этот лезет во все потаенные края? Только к нам уже пятый раз заявляется без спросу.

– Кончать его надо, – оживился гундосый.

– Лучше зачекотать до смерти, так веселее, – заквакали кикиморы, подпрыгивая от нетерпения на кочках.

– Нам, нам отдайте поиграть! – забеспокоились в воде русалки. – Он – симпатичный мужчина и грешный, как мы при жизни. Сто лет такого ждём.

– Кончать нельзя, защита на нем, наверное, сын благочестивых родителей, – подвел итог тот, который сидел под дубом. – А пугануть можно.

Как Юрания до своего берега доплыл, не помнит. Заскочил в машину к храпящему, как паровоз, Маврику и простучал до утра зубами от страха, непрерывно читая молитву Иисусову. Вокруг машины дубы ходили ходуном в лунном свете, а за лобовым стеклом то свиное рыло с серьгой в ноздре заинтересовано всматривалось внутрь, требуя: «Дай закурить», то голая девица с горящими глазами и ввалившимся носом, жеманно улыбаясь беззубым ртом, обнимала длинными костлявыми руками Юранию машину, пытаясь открыть, и жалобно выла с досады. А со стороны луны сети, битком набитые рыбой, летели сами собой и тяжело шмякались на крышу легковушки, отдавая гулким эхом в воспаленном Юранием мозге. И взбесившееся сердце вместе с душой пыталось выскочить, пробив грудную клетку, и улететь к Спасителю, моля пощады и успокоения.

Не приведи Господь пережить кому-либо нечто подобное, и Юрания бы не выдержал, если б не армейская закалка в горячей точке, не опыт криминальных стрелок в лихих девяностых и не робкие потуги к воцерковлению в храме свенской обители.

Рассвело.

Проснувшийся и хотящий было снимать сети Маврик недоуменно смотрел на изрытую вокруг почву, на гору перепутанных с рыбой сетей и на седого, как лунь, с красными стеклянными глазами Юранию, намертво вцепившегося в руль белыми от напряжения пальцами.

Выезжали с трудом. Приходилось расчищать заваленную в нескольких местах буреломом дорогу, и только когда добрались до большака, появилось осознание произошедшего.

Подрулив к манящей сверкающими куполами церквушке, Юрания вышел к воротам и трижды с поклоном перекрестился по православному обычаю на висящую над входом икону. Войдя, упал на колени перед святым распятием, и долго стоял, склонив седую голову, шевеля губами и вспоминая свою непутевую, изгрызенную тяжкими грехами жизнь.

Вышел только к вечеру. Раздал к явному неудовольствию Маврика кучкующимся неподалёку бабкам рыбу и поехал в сторону Брянска, не обращая внимания на ноющего на все ноты Серёгу.

Через что спасется род человеческий, и в каком составе – вот отныне единственное направление Юраниных мыслей.

Легенда о черном инспекторе

Вот, что рассказал мне один дед из Голяжа, с которым коротали мы ночь у костра на пятом Орлике.

Эта странная и таинственная история началась в 1947 году, аккурат после войны. Нетьинские и голяжские фронтовики, кто без руки, кто без ноги, с пацанятами малыми кормились, лова сетями на Десне – Орликов тогда еще не было. Время стояло голодное, страна из руин поднималась.

Все бы ничего, да появился в этих краях рыбинспектор Коля Калымов, очень принципиальный товарищ – бывший особист. Не стало мужикам житья: то сети свирепо изрежет, то посадит кого. И звали его люди Чёрным, потому как носил он чёрный эсэсовский плащ трофейный.

Пропал он внезапно: был человек и нету. Может, утонул либо помогли, или уехал куда – шизанутый он был какой-то. Год таскали мужиков на допросы, но стихло все. «Нет тела – нет дела», – объяснил людям участковый за стаканом самогона. Лишь одинокая Маруся украдкой плакала ночами – любовь у них была два раза.

Только чертовщина тут началась жуткая. Стали у мужиков таинственным образом косы пропадать на заливном лугу. Чуть отвернулся – нету косы. А туманными ночами сети кто-то портил, в реке стоящие. Плывут утром улов снимать, а там вместо рыбы лишь обрезки сеточные плавают.

Решили покараулить ночью.

И видят... В лунном свете ползет туман по реке, а вы знаете, какие здесь туманы густые – руки не видно! Так вот, впереди тумана моторка плывет беззвучно, с чёрным силуэтом во весь рост и светящейся косой – вжик, вжик по воде. А на утро все сети порезаны.

Добился Коля своего, хоть и после смерти, – перестали люди на реку ходить, да детям строго-настрога запретили рыбачить.

Много лет патрулировал призрак реку, держа в страхе окрестности речные. Пол-Нетьинки тогда в баптисты записалось, Голяж православие вспомнил. Наконец упокоился чёрный инспектор, забывать стали.

Теперь заново началось. Как размыли шестой Орлик два года назад земснарядом, вновь Коля стал впереди тумана появляться. Видать, кости его грешные потревожили. И плывет он по всем пяти Орликам, нагоняя ужас и разрезая сети косой. И нельзя смотреть на него прямым взглядом, ибо зыркнет в ответ горящими адским огнем глазницами, и поражает рыбака неизлечимая хроническая диарея, возникающая при виде любого инспектора даже по телевизору.

Лишь святая молитва да крестное знамение отведут от тебя его неприкаянную душу.

Вспомнил я, сколько раз у ребят после тумана сети порезаны, а у меня даже пойманный лещ килограммовый был разрезан чисто, как лазером.

Катька

Жила в Бежице, за линией, ведьмочка одна, Катькой звали. Ворожила кому надо, ну и отвороты-привороты разные там делала за деньги. Сколько годков ей было, никто не знал, говорили лишь, что она еще с Троцким дружила до революции – фотки у нее видели.

Так вот, повадилась эта Катя ночами на Керосинке рыбаков пугать. Прилетит туда в полнолуние, обратится в русалку и плещется возле сетей, резвится, значит. Рыбаки думают, что в сети крупняк попался, один плывет проверять, а Катька резко выныривает и хватя его за нос. Да смеется весело так, залиvisto.

В ту ночь тоже как раз полнолуние было. У костра Маврик с Юраней дремали после спирта разбавленного; и тут смех женский: хи-хи-хи, хи-хи-хи за кустами. Маврик сразу насто-рожился – любитель он до женского пола большой. Выходит из-за кустов девица красоты неписаной, голая совсем и спрашивает:

– Мужчина, у вас не найдется спиртика грамм двести для дамы?

Маврику стало очень приятно, что его назвали на вы, и девушка очень понравилась. Он хотел ответить остроумно, пригласить даму к костру, но онемел как-то, только мычал и глаза тарасил.

– Ой, какие-то мужики несмелые пошли, – хихикнула девица, поцеловала Маврика нежно, вскочила на метлу и полетела над Болвою, крикнув: – Катя меня зовут, малыыыш!

А у Маврика во рту червонец царский золотой оказался.

Жаль, Юраня все проспал.

С тех пор Серега Маврик грустный стал такой, задумчивый. Придет на речку, сядет у воды и подолгу всматривается вдаль – тоскует очень сильно.

Ветеран резинового флота

Маврик, воровато озираясь, ставил сети. Ветхая надувная лодка сипела в трёх местах, требуя постоянной подкачки.

– До чего же драная у меня сеть: на три метра – одна ячейка, – вздохнул Маврик, опуская на дно последний привязанный к сети кирпич, и засеменял веслами к берегу, таинственно темнеющему в багровых лучах заходящего солнца.

Покулив на берегу, удобно устроился в кустах и сладко задремал, мечтая о богатом улове, продав который он сможет купить себе новые снасти. Лишь комары да пение неизвестных Маврику птиц изредка прерывали его приятные сны. А снились Сереге зарплата, которую задерживали на заводе пять месяцев, одноклассница Аня да котлеты с чесноком, аромат которых частенько доносился из квартиры соседа – авторитетного чиновника городской администрации.

Вот и привалило Маврику счастье. Ранним утром, на зависть всей резиновой флотилии, вытащил он посреди Орлика здоровенного толстолобика, килограмм на двадцать, и усатого сома побольше, чуть не утянувшего рыбака из лодки за запутавшуюся в сети пуговицу. Взвалив на плечи тяжеленный рюкзак с рыбой, довольный судьбою, счастливчик почапал худыми сапогами на мост – излюбленную торговую точку бежицких рыбаков.

Подвесив на виду толстолобика, Маврик залез в тенек, высунул из-под куста свой загорелый с красными не выпавшимися глазами бубен, и замурлыкал незатейливый мотив:

*Подлецики, густёрки
И пара костылей
Поймали рыболова
И дали трендюлей...*

В шелестящих мимо авто очаровательные девушки кокетливо строили Маврику глазки, удивленно вскидывали брови, увидев чудо-рыбу, и теребили угрюмых спутников, уговаривая купить. И не было в это время счастливее Маврика на свете.

Из остановившегося джипа вышел солидный господин, спросил цену и, не торгуясь, поехал обменивать баксы, обещая вернуться через десять минут. Черная туча внезапно закрыла солнце. Из родного уже Маврику уазика выскочил рыбинспектор, забрал толстолобика и уехал по своим важным государственным делам, оставив обескураженному Серёге квитанцию о штрафе.

– Ну, ничего, продам тому, на джипе, сома, – подумал Маврик, вытаскивая из кустов извивающегося исполина.

Только повесил – менты! Завернули деликатесную рыбу аккуратно в мешок, отогнали Серёгу дубинкой, уехали...

А бедный Маврик, вскинув легкий, как пушинка, рюкзак, с вывернутыми в поисках денег на троллейбус карманами, побрёл домой, нервно вздрагивая от холодных капель начинающегося ливня.

Маврик, психи и инспекция

Развелось в Брянске сильно много новых русских – спасибо партии родной. Гоняют с утра до ночи на водных мотоциклах, честному браконьеру сети негде поставить.

Долго ждал Маврик, когда они разъедутся и наконец под покровом ночи поплыл сети раскидывать. Делать он это умел очень красиво и виртуозно. Со стороны казалось, что он быстро-быстро руками семафорит, как матрос флажками на корабле. Самому же Маврику представлялось, что он не сети ставит, а играет на скрипке «Полет шмеля» Римского-Корсакова. В общем, из старых он был браконьеров, из правильных.

Вообще-то Маврик остерегался ночью ловить после одного случая весной на третьем Орлике...

Повстречал он четверых странных мужиков на одноместной лодке. У первого нос был завязан красной тряпкой и очки треснуты, другой чесался неистово, вывернув руки в локтях, и рожи корчил, остальные двое спорили, кто у них капитан сегодня, и песню пиратскую пели. Разговорились и поведали они, что являются больными из психлечебницы там, за лесом. Их выпускают на ночь санитарам рыбки наловить, а за это дают потом на компьютере поиграться. Умные – жуть. Который в очках – доктор биологических наук оказался, всё-всё про рыбу знает.

Улов большой настругали – не вмещается, так они там чуть у милиционеров лодку не отобрали, назад плыть в дурдом. Здоровые такие ребята, руки, как кувалды. Посетовали только, что Наполеона с Гитлером более не отпускают с ними – те не возвращаются ни фига.

Вот эти психи, пока на компьютере игрались, открыли свой форум в интернете, где права качали в защиту браконьеров. Посещаемость зашкалила – все думали, профессора проблемы обсуждают с народом. После, правда, санитары отобрали у них компьютер, чтоб не возбуждались. Там крику было на всю психушку.

Еще Серёга Маврик опасался молодежного отряда «Антибрак» имени Павлика Морозова: они фотографировали браконьеров и закладывали их органам. Им сначала не позволяли этим заниматься, а потом решили – пусть бегают по речке на свежем воздухе, лишь бы на демонстрации не ходили. Юнармейцы его не очень волновали, он больше психов боялся.

Но мы отвлеклись.

Психов на горизонте не было, и наловил Серёга к утру рыбы не буду говорить сколько, чтобы не нервировать читателей. Одни скажут: «Ого, все ему мало, хапуге», другие подумают: «Мы и больше ловили».

В общем, улов вышел приличный.

Сети были смотаны, рыба в мешке трепыхалась, и плыл довольный Маврик к берегу мимо заросшего высокой растительностью мелководья. Рёв приближающейся моторки сдул с лица Маврика счастливую улыбку. Мгновенно сообразив, что это инспекция, смекалистый Серёга заплыл в безопасные заросли камыша, спугнув с насиженных гнёзд стаю возмущённо кричащих чаек.

Моторка ткнулась носом в мель и затихла.

– Маврик, выходи, мы тебя в бинокль видели, – раздался знакомый голос Василича. – Хуже будет.

– Хуже уже не будет, – ответил из дебрей Серёга, вспомнив, как забрали у него прошлый раз лодку и сети. – Скажи лучше, тебе одному рыбы давать или на всю шоблу делить будете?

Инспектора возмущённо загудели, обсуждая дальнейшие действия, но быстро успокоились. Многого повидали они на казённой службе и от близкого общения с природой научились относиться ко всему спокойно и по-философски.

– Поплыли, а то других упустим, вон их сколько, – распорядился Василич, поворачивая моторку к противоположному берегу.

По совести сказать, он жалел этого добродушного с честными глазами Маврика, беззаветно упёртого в своей любви к браконьерству. Между прочим, настоящий рыбинспектор должен быть в душе немного браконьер так же, как и хороший мент в глубине души преступник.

А теперь серьезно. Пока существуют водоёмы, будут и браконьеры – романтики водных глубин, пираты речных русел. Только Маврики – это мелочь пузатая. Главный браконьер у нас государство, ибо помыслы сановных мужей его – от лукавого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.